

К. А. Сагалаев

РИТУАЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ МУХОМОРОВ У СОВРЕМЕННЫХ КОРЯКОВ

Исследуется современное состояние ритуального употребления мухоморов – одной из обрядовых традиций коряков. Дается историографический обзор литературы на данную тему, начиная с материалов II Камчатской экспедиции (1733–1743), рассматриваются наскальные рисунки на берегах реки Пегтымель (Чукотка) в контексте употребления мухоморов. Показано место мухоморов и грибов вообще в культурах народов Сибири и Дальнего Востока. Анализируются основные ситуации – как сакральные, так и профанные, в которых употребляются мухоморы: это и обрядовые праздники, и трудное жизненное положение, в котором мухомор может подсказать решение, и предстоящая тяжелая работа, и необходимость «пообщаться» с умершими родственниками, и просто желание испытать наркотическое опьянение. Описывается обряд ритуального употребления мухоморов, зафиксированный автором статьи в Олюторском районе Корякского АО в ходе экспедиции 2004 г. Рассматриваются правила и запреты, связанные с ритуалом, допустимое количество грибов для приема за один раз, способы сбора и употребления мухоморов в сопоставлении с опубликованными в литературе данными. Приводятся записанные от информантов тексты, касающиеся ситуаций, связанных с употреблением мухоморов, их рассказы о собственном опыте и случаях с их знакомыми и родственниками. Описываются записанные после употребления мухоморов фольклорные тексты – так называемые мухоморные песни и мухоморные сказки. Делается вывод о двух параллельно существующих в настоящее время традициях употребления мухоморов на Камчатке – сакральной и ритуализованной, с одной стороны, и бытовой наркомании (в основном в городе) – с другой. Первая традиция представляется существующей в живом бытовании, хотя и подвергающейся естественной трансформации. Статья вводит в научный оборот обширный новый полевой материал и может быть интересна для этнологов и фольклористов.

Ключевые слова: мухоморы, ритуальное употребление, обряд, коряки, современное состояние.

История употребления человеком психоактивных веществ в тех или иных – часто в сакральных – целях насчитывает многие тысячелетия. Это древняя и универсальная традиция. Свидетельством тому являются и петроглифы Пегтымеля на Чукотке, и скульптуры человекоподобных грибов, оставшиеся от древних майя в Центральной Америке, и мифы совершенно разных народов, в которых то или иное растение (или гриб) служит проводником для посвященных при общении с высшими сферами.

Е. П. Батянова и М. М. Бронштейн в статье «Мухомор в быту, верованиях, обрядах, искусстве народов Севера» приводят мнение эстонской исследовательницы Марет Саар, выделявшей два больших региона, население которых с различными целями употребляет мухоморы, – это, во-первых, север Западной Сибири и Таймыр и, во-вторых, крайний северо-восток Евразии. Причем если в первой модели использования мухомора употребляли его в основном шаманы, то во второй такого ограничения не было (Батянова, Бронштейн, 2016: 47).

Уже упомянутые выше петроглифы на чукотской реке Пегтымель в силу относительной географической близости к рассматриваемому региону – северу Камчатки – заслуживают того, чтобы сказать о них чуть подробнее. Самые северные в Азии наскальные рисунки были обнаружены в 1965 г. и впервые исследованы в 1967 г., датированы они были периодом с I тысячелетия до н. э. по конец I тысячелетия н. э. Особое внимание археологов привлекли антропоморфные изображения, «почему-то осененные огромными грибами (...) Эти чудовищные грибы имеют, очевидно, свой особый, самостоятельный смысл и связаны с человеческой фигурой только условно и в некотором роде символически» (Диков, 1971: 23). На некоторых рисунках антропоморфная фигура с грибом сверху явно держит за руку фигуру человека, словно уводя его куда-то. Интерпретируя подобные изображения (всего их 34) Н. Н. Диков ссылается на записанные В.Г. Богоразом от чукчей сведения о взаимоотношениях последних с мухоморами: они «являются к пьяным людям в странной человекоподобной форме. Это не духи, это именно мухоморы как таковые (...) Мухоморы берут человека за руки и уводят его на тот свет, показывают ему все, что там есть, прodelывают с ним самые

невероятные вещи» (там же: 26). Одно из возможных толкований этих «грибных» петроглифов, по мнению Дикова, заключается как раз в том, что «перед нами подлинные, дошедшие из глубины веков картины, рисующие увод мухоморами живых людей к “верхним людям”» (там же).

Не являясь ни растениями, ни животными, занимая особое место в окружающем человека живом мире, грибы получили отдельный статус и в традиционных культурах. Как в Западной и Восточной Сибири, так и на Дальнем Востоке носители самых разных культур видели в мухоморах (да и в грибах вообще) фантастических существ, напрямую связанных с другими мирами и наделенных сакральным знанием: «у нивхов существует поверье, что на таежных тропах можно встретить мухоморов в облике людей. В соответствии с мифом коряков мухомор в прошлом был женщиной, которую обидел муж, после чего она, превратившись в гриб, ушла под землю вместе со своими детьми. Кетская легенда объясняет грибы как захиревшие в лесу фаллосы» (Дэвлет, 2007: 44).

Народы, населяющие северо-восток Евразии, в том числе чукчи и коряки, сохранили и до настоящего времени традицию употребления мухоморов как в сакральных, ритуальных, так и просто в бытовых ситуациях. Первые сведения об этом были записаны участниками II Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.). По свидетельству адъютанта АН Г. В. Стеллера, «из грибов в большом и особом почете ядовитый мухомор, по-ительменски – “гхугакоп”. Вокруг русских острогов это, правда, давно уже оставлено, зато тем более распространено по Тигилю и в стороне корякских пределов. Туземцы сушат эти грибы, поедают их, не пережевывая, и запивают их значительной порцией холодной воды. Уже через полчаса после этого они впадают в дикое опьянение и им мерещатся самые причудливые вещи» (Стеллер, 1999: 68). Участник той же экспедиции переводчик Я. И. Линденау разделяет сакральную и профанную практики употребления мухоморов камчатскими аборигенами: «Некоторые шаманы, наевшись мухомора – Warach, начинают предсказывать будущее. Другие едят его потому, что от этого пьянеют» (Линденау, 1983: 124). Он же приводит сведения об экономической составляющей такого употребления: «Мухомор у коряков – угощение богачей, бедные же довольствуются мочой последних; когда такой опьяневший от мухомора мочится, то к нему сбегаются многие и, выпив его мочи, пьянеют еще больше, чем сам наевшийся мухоморов» (там же: 125).

Одной из целей ритуального употребления мухоморов является получение важной информации – как найти дорогу в стойбище, где находятся потерявшиеся олени и т. д. Мухомор может дать совет в трудной ситуации, излечить от болезни – по сути, выполняя те же функции, что и шаман. Приведем несколько текстов, записанных в ходе экспедиции в Олюторский район Корякского автономного округа, проведенной в 2004 г. Институтом филологии СО РАН, участие в которой принимал и автор настоящей статьи¹.

Стоит копьё сколько лет – настоящее копьё. Не ржавеет, светится. Техника там ломается. Его обходят стороной.

Вопрос: *неизвестно, чье копьё?*

Может, и знают, но молчат, единственный, кто может сказать, – это мухомор. Там рядом надо... Кто мухоморит, тому могут сказать. Сколько случаев было... Один парень потерял карабин, и ему говорят: да съешь ты мухомор, он тебе покажет. Я говорю: ну что? Он говорит: я съел мухомор, и раз – мои следы появляются, ну как фосфорят. И он пошел, пошел, пошел – и прямо к карабину подошел. И дед у нас один... Пойдем, говорит, сходим,

¹ Публикуемые тексты записаны к.иск., в.н.с. Института филологии СО РАН Г. Е. Солдатовой; расшифровка наша. Материалы хранятся в архиве сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН.

я знаю, где тут оружие лежит закопанное. А некогда нам – то рыбалка, то ягода. Он говорит: ладно, я уйду, возьмете мухомор. Не знаете, в каком месте – он вам скажет^{2, 3}.

Под воздействием мухоморов правильно принявший их человек узнает вещи, которые, казалось бы, знать не мог никак, приехав издалека и будучи в данном месте впервые. Мухомор скажет ему, где здесь находится то или иное сакральное место, какой обряд нужно там провести, чтобы устранить конкретную проблему в жизни.

Где зеленый холм, там раньше сенокос был, сенокос милиции. И они съели мухоморы. Один был русский, а второй наш, местный. И он мне рассказывает: произошел случай там. Они съели два мухомора, то есть по мухомору съели, на пробу. И он сидит в будке, а того мухомор, видно, «взял». Потому что не всем удастся... Мне надо будет об этом еще рассказать. И он заходит, Говорит: «Кто тут? Коряки есть?» Ему Серезжа говорит: «Я, – говорит, – коряк». – «Пошли». А луна, говорит, полная светит.

А Серезже жутко, он с похмелья. Они же в тундру приезжают, как правило, водки попить, а потом уже работать. Идут, идут... И вдруг он раз – так останавливается, как будто стена такая стеклянная. «Мне дальше нельзя» – говорит. Серезжа говорит – я переступил, ничего не понял. Говорит: луна светит, у него волосы шевелятся – мне так жутко стало. И он начал перечислять: все имена, фамилии – всех, кто тут жил, русский-то. И говорит: вот надо вам, как говорится, что-то сделать там⁴.

Вообще мухомор – он не всем дается, но он очень многое может рассказать. Здесь я попробовал однажды – женщина одна приехала со Слаутного, мы вдвоем съели и она мне рассказала, что у меня было – даже то, что вообще никто не знал. И что будет... Все сошлось. Абсолютно. До копеечки, как говорится. Что я буду в администрации работать...⁵

Упомянутая информантом полная луна, по его словам, – необязательное, но желательное условие для правильного общения с мухоморными духами. Впрочем, других упоминаний об этом в литературе нами не обнаружено; однако сведения о шаманских камланиях у коряков именно в полнолуние описаны: «Играющие на бубне были очень сильными людьми, они были предсказателями. Отец лечил людей бубном. У нас бубен – это сила. И вот отец в полнолуние начинал играть на бубне с вечера до утра» (Мальцева, 2019: 108).

Там, видите ли, дело в том, что [петь] надо, когда съешь мухомор, потом – когда луна, тут все в кучку получается. И смотря с кем – там очень много [условий].

Вопрос: А какая луна должна быть?

В основном когда полная. Почему? Тут, видимо, при полной луне это самое... Вот съела она когда мухомор, когда рассказала, что у меня будет, и я ее спросил: где священный камень? А я знаю, что она не знает, она со Слаутного, это Пенжинский район. Она говорит: вон там. В том направлении. Точное направление не знаю, но – вон там. Я говорю – да, там священный камень в Култушном у нас. И говорит: а знаете, почему у вас рыбы нет? Я говорю – а в чем дело? Она говорит – потому что вы не ложите инэлвэт⁶ – кусочек

² К. Е., с. Култушное, запись 06.08. 2004 г.

³ Здесь и далее: по этическим и иным соображениям мы не публикуем имена, фамилии и отчества информантов. Ограничимся инициалами.

⁴ Т. е. провести обряд.

⁵ К. Е., с. Култушное, запись 06.08. 2004 г.

⁶ *Инэлвэт* (так произносят коряки-чавчулены, у коряков-нымылан произносится *иналвэт*) – бескровное жертвоприношение, угощение духов-хозяев местности. В качестве подарка духам использовали шерсть животных и жир – олений (у чавчуленов) либо морского зверя (у нымылан). Такое угощение должно было обеспечить успех

шерсти заячьей, кусочек жира пертичьего. Я на следующий день сразу побежал и прихватил кусочек хвостика от рыбки. И кижуч как пошел! Я не знаю, может быть, просто сошлось... Но кижуч... Ну никогда такого не было! И вот мы сейчас постоянно ходим на этот священный камень. Мы уже знаем точно, что это священный камень⁷.

Мухомор может предупредить человека о приближающейся беде; так, по рассказам одного из информантов, мухоморы сказали ему, что скоро будет землетрясение и цунами. Это и случилось в том же 2004 г. (правда, не на Камчатке, а в Юго-Восточной Азии). О землетрясении 2006 г. мухоморы также предупреждали тех, кто входил с ними в контакт: «апрельское землетрясение я предчувствовала еще в феврале, когда был праздник в Сосновке. Нас пригласили тогда на праздник на ительменское стойбище. А я была тогда под мухомором, поела мухомора. И вот зал там большой: столы накрыты, и нас пригласили к столу. Я сижу. И кто-то попросил меня спеть. Я запела. И запела древнюю-древнюю песню. Я ее вспоминаю, если играю на бубне в состоянии транса. Я запела эту песню и вижу – земля корёжится, земля раскрывается, эти щели большие извиваются, все падает, гремит, и все в огне» (там же: 154).

Иногда мухомор используется и как «средство связи» между ныне живущими родственниками или знакомыми. Одна из информанток рассказала, что однажды на рыбацкой стоянке они вдвоем с хозяйкой съели мухоморы и стали петь и танцевать. В это же время их общая знакомая в поселке тоже съела мухомор, села смотреть телевизор и по телевизору видела, как они там танцуют и поют⁸.

Мухомор употребляют и в целях сугубо практических, когда предстоит тяжелая физическая работа или длинный пеший переход, требующий большой выносливости: «для поднятия жизненного тонуса, отправляясь в длительный пеший переход, “перед тем, как идти в тундру за ягодой или дрова собирать”, “чтобы легче было работать”. Пастухи-оленоводы употребляют мухомор для того, “чтобы быстрее бегать за оленями”» (Батьянова, Бронштейн, 2016: 48).

Употребление мухоморов еще до недавнего времени являлось неременной частью традиционных календарных праздников – например, праздника Коянайтатык, устраиваемого после возвращения оленьих стад с летних пастбищ. При этом угощались не только участники обряда: свою долю (уже после забоя) «получал» и жертвенный олень: «В яранге голову оленя с рогами, шкурой и огнивыми досками подтаскивали ближе к очагу. К рогам привязывали связку мухоморов, так как “олень любит мухоморы”. Пока он находился в жилище, с ним обращались как с живым. После употребления мухоморов у “оленя” появлялась сонливость» (Горбачева, 2004: 45).

В качестве иллюстрации приведем описание обряда употребления мухоморов, записанного нами на рыбацкой стоянке неподалеку от с. Вывенка Олюторского р-на Корякского АО в августе 2004 г. Главным действующим лицом была известная далеко за пределами своего села знаток алюторского языка⁹, фольклора и культуры в целом ныне уже покойная Д. М. (1918 г. р.). Компанию ей составила врач из поселка В., специально для этого приехавшая вместе с нами, и молодой коряк Р., для которого это был первый такой опыт. Но поскольку, по словам Д. М., количество участников обязательно должно было быть четным, одному из участников экспедиции было предложено занять свободное место и «стать четвертым». Как объяснили информанты, в одиночку есть мухоморы нельзя – иначе можно не вернуться

в планируемых делах – промысле, дороге и т.д. В словаре Ю. Нагаемы слово *иналвэт* переведено как «дар духам» (Нымыланско-русский словарь, 2017: 93).

⁷ К. Е., с. Култушное, запись 06.08. 2004 г.

⁸ В., с. Вывенка, запись 16.08. 2004.

⁹ Термин «алюторский язык» появился после выхода статьи П. Я. Скорика (Скорик, 1958), прежде этот язык рассматривался как диалект корякского языка. Сам термин происходит от названия бывшего села *Алют* (рус. Олюторское, Олюторка). Именно в русской огласовке название сохранилось в топонимах (Олюторский район, Олюторский залив).

назад, поэтому нужен опытный проводник. Но сам этот опытный человек может употреблять мухоморы и без «попутчиков».

По поводу количества съедаемых за один раз мухоморов в литературе можно встретить разные сведения. По наблюдениям С. П. Крашенинникова, умеренным считалось потребление максимум четырех грибов, а «для пьянства» съедали около десяти мухоморов (Элерт, 2007: 118). В. И. Иохельсон сообщает, что «можно съесть от трех до десяти сушеных грибов, не подвергаясь смертельной опасности. Есть люди, которым достаточно трех грибов для опьянения. Случай смерти редки» (Иохельсон, 1997: 114). По данным Е. П. Батьяновой и М. М. Бронштейна, «принимать обязательно надо нечетное число мухоморов – 3, 5, 7, 9 – “чтобы один был без пары”» (Батьянова, Бронштейн, 2016: 51). Об обязательно нечетном количестве грибов упоминает и В. В. Горбачева: «Количество принятых одновременно грибов зависело от организма человека: 5–7 – для сильного человека, 3–5 – для слабого, 1 – для совсем слабого. Во всех случаях число их – нечетное, хотя, кроме принятого нечетного количества мухоморов, последним все равно принимали еще один гриб – «для приземления», как говорили информанты, то есть для «возвращения на землю», чтобы ноги ходили» (Горбачева, 2004: 45). Одной из наших информанток пять съеденных грибов оказалось много: *«Я дома кушаю два – и третья половинка. Они говорят: ты попробуй пять штук – и я уснула. Но я помню хорошо, они мне говорят: возьми бубен. Я говорю – я в бубен хорошо играю, а вот песню я не могу вспомнить. А какую же ты песню умеешь петь? А я не знаю. Я встала и: “Калинка, калинка, калинка моя...” А где это я взяла? А потом старухи говорят: внучки же собирали, видимо, эту песню и пели. Вот эту песню я первый раз и спела, я хорошо помню»*¹⁰. В приводимом нами обряде такой четкой установки не было, хотя принимавшим мухомор впервые было сказано: «Пока трех хватит, а там видно будет».

Существует масса запретов для участников обряда: нельзя далеко отходить от места употребления – можно заблудиться в тундре и не найти обратную дорогу; прежде чем начать есть мухоморы, убирают ножи и вообще все острые предметы, так как мухомор (а вслед за ним и человек) может повести себя непредсказуемо. Нельзя совмещать алкоголь и мухоморы: либо одно, либо другое: «мухоморы вино не любят».

Можно есть только весь гриб целиком: если съесть только ножку или только шляпку, то съевшему будет казаться, что у него нет ног либо головы. Способ употребления может быть различным: допускается покрошить гриб ножом и съесть по кусочкам, но можно и откусывать кусочки от целого мухомора. Употребление мухомора с поврежденной ножкой ничего хорошего не сулит: «тот, что съедал шляпку или гриб с поврежденной ножкой, не только ощущал головную боль, но и слабость в ногах или того хуже... Тогда осложнялось и само “возвращение из путешествия”» (там же). Е. П. Батьянова и М. М. Бронштейн приводят такие сведения о табу в обращении с мухомором: «запрещалось срезать мухомор ножом, переворачивать вниз головой, разрушать грибницу, рвать слишком маленькие грибы. При сушении мухомора нельзя нанизывать его на нитку, прокалывая иглой» (Батьянова, Бронштейн, 2016: 51). Это вполне коррелирует и с нашими полевыми материалами: *«Когда выкапывают, там земля остается, ее тоже нельзя выбрасывать. Какая-то связь есть с землей, остается с мухомором. Поэтому... некоторые очищают или режут – сколько случаев было: обрежут как грибы – и кто съест – у него такое чувство, как будто он без ног ходит, обрезанный. Или вверх ногами повесят этот мухомор, и кто скушает, он всю ночь может ходить вверх ногами. И этих случаев было очень много»*¹¹. Как объяснили информанты, обязательное условие – запивать гриб теплым чаем.

Чтобы ускорить наступление наркотического воздействия, нужно повторять про себя: «Я намухоморился, я намухоморился» – своего рода «аутотренинг». В то же время формула

¹⁰ В. Р., с. Хаилино, запись 16.08. 2004 г.

¹¹ К. Е., с. Култушное, запись 06.08. 2004 г.

эта амбивалентна – эту же фразу повторяют и для того, чтобы выйти из «того» мира и вернуться в этот. Когда мухоморы употребляют несколько человек, бывает так, что мухоморные духи приходят к самому опытному, «сильному» с этой точки зрения человеку. Так было и в нашем случае: более «продвинутые» в этом деле женщины пели мухоморные песни и танцевали, на долю мужчин достались менее явные ощущения.

Песни и сказки, исполняемые под воздействием мухоморов, рядом исследователей выделяются в самостоятельную категорию «мухоморных песен» и «мухоморных сказок» (И. А. Бродский, Ю. И. Шейкин). Они носят в большой степени импровизационный характер («что вижу, о том и пою»). Женщинами были исполнены мухоморные песни и танцы, от Д. М. были записаны еще и несколько мухоморных сказок – их исполнение ей далось уже с трудом, оно сопровождалось долгими паузами, а повествование часто было почти бессвязным.

Отметим, что наряду с ритуальным отношением к мухомору в настоящее время распространено и употребление его на уровне обыкновенной бытовой наркомании – это относится в основном к городской молодежи и русским. В этом случае полностью исчезает сакральное отношение к мухомору и ритуализация его употребления. Пожалуй, можно сказать, что эти два явления существуют параллельно; мухомор как сакральная часть корякской культуры по-прежнему сохраняет свое значение, хотя, конечно, традиция эта претерпевает безусловную и неизбежную трансформацию.

Литература:

- Батьянова Е. П., Бронштейн М. М.** Мухомор в быту, верованиях, обрядах, искусстве народов Севера // Сибирские исторические исследования. 2016. №1. С. 46–58.
- Горбачева В. В.** Обряды и праздники коряков. СПб.: Наука, 2004.
- Диков Н. Н.** Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М.: Наука, 1971, 134 с.
- Дэвлет Е. Г.** Каяки обрыва Кайкуоль. Петроглифы на скалах Чукотки // Родина. 2007. №3. С. 40–45.
- Иохельсон В. И.** Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997.
- Линденау Я. И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983, 176 с.
- Мальцева А. А.** Голоса корякской культуры: Александра Кергильхот. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2019. 288 с.
- Нымыланско-русский словарь.** Алюторский диалект. Часть 1 / сост. Ю. Нагаяма, В. М. Нутаюлгин, Л. И. Чечулина; ред. Ю. Нагаяма. Саппоро, 2017.
- Скорик П. Я.** К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков // Вопросы языкознания. 1958. № 1. С. 21–35.
- Стеллер Г. В.** Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999. 288 с.
- Элерт А. Х.** Алкоголь и галлюциногены в жизни коренных народов Сибири // Наука из первых рук, 2007, №2 (14). С. 106–123.

Сагалаев Константин Андреевич.
Младший научный сотрудник.

Институт филологии СО РАН.

Ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090.
E-mail: bigbeatle@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 7 октября 2022 г.

K. A. Sagalaeв

RITUAL USE OF FLY AGARICS BY MODERN KORYAKS

The article discusses the current use of fly agaric mushrooms in rituals among the Koryaks, a native people of the Russian Far East. It provides a review of previous research on the subject, including the Second Kamchatka Expedition (1733–1743) and rock paintings found in the Pegtymel River region of Chukotka. The article also

examines the role of fly agaric and other mushrooms in the cultures of Siberia and the Russian Far East. It describes the main occasions, both sacred and secular, in which fly agaric mushrooms are used, and presents new field material collected by the author during an expedition to the Olyutorsk region of the Koryak Autonomous Area in 2004. This material includes accounts from informants of their own experiences with fly agaric mushrooms and those of their friends and relatives, as well as folklore texts known as “fly agaric songs” and “fly agaric tales” that were recorded after the use of the mushrooms. The author concludes that there are two parallel traditions of fly agaric consumption in Kamchatka – sacral and ritualized on the one hand, and common drug addiction (mostly in the city) on the other hand. The article introduces a vast new field material and may be of interest to ethnologists and folklorists.

Keywords: *fly agarics, ritual use, ritual, the Koryaks, current state.*

References:

- Bat'yanova E. P., Bronshteyn M. M.** Mukhomor v bytu, verovaniyakh, obyadakh, iskusstve narodov Severa [Fly agaric in everyday life, beliefs, rituals, art of the peoples of the North] // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2016. № 1. P. 46–58.
- Gorbacheva V. V.** Obryady i prazdniki koryakov [Rituals and holidays of the Koryaks]. SPb.: Nauka, 2004.
- Dikov N. N.** Naskal'nye zagadki drevney Chukotki. Petroglify Pegtymelya [Rock riddles of ancient Chukotka. Petroglyphs of Pegtymel]. M.: Nauka, 1971, 134 p.
- Devlet E. G.** Kayaki obryva Kaykuul'. Petroglify na skalakh Chukotki [Kayaks of the Kaikuul cliff. Petroglyphs on the rocks of Chukotka] // Rodina. 2007. № 3. P. 40–45.
- Iokhel'son V. I.** Koryaki. Material'naya kul'tura i sotsial'naya organizatsiya. [Koryaks. Material culture and social organization]. SPb.: Nauka, 1997.
- Lindenau Ya. I.** Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka): Istoriko-etnogr. materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka. [Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century): Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the Northeast] Magadan: Kn. izd-vo, 1983, 176 p.
- Mal'tseva A. A.** Golosa koryakskoy kul'tury: Aleksandra Kergil'khot. [Voices of the Koryak culture: Alexandra Kergil'khot]. Novosibirsk: Akademicheskoe izd-vo «Geo», 2019. 288 p.
- Nymylansko-russkiy slovar'.** Alyutorskiy dialekt. Chast' 1 [The Nymylan-Russian dictionary. The Alutorsky dialect. Part 1] / sost. Yu. Nagayama, V.M. Nutayulgin, L. I. Chechulina; red. Yu. Nagayama. Sapporo, 2017.
- Skorik P. Ya.** K voprosu o klassifikatsii chukotsko-kamchatskikh yazykov [On the classification of the Chukchi-Kamchatka languages] // Voprosy yazykoznaviya. 1958. № 1. P. 21–35.
- Steller G. V.** Opisanie zemli Kamchatki. [Description of the Kamchatka land]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, 1999. 288 p.
- Elerst A. Kh.** Alkogol' i gallyutsinogeny v zhizni korennykh narodov Sibiri [Alcohol and hallucinogens in the life of the indigenous peoples of Siberia] // Nauka iz pervykh ruk, 2007, № 2 (14). P. 106–123.

Sagalaev Konstantin Andreevich.
Junior researcher.

Institute of Philology of the Siberian Branch of RAS.

Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, Russia. 630090.

E-mail: bigbeatle@inbox.ru